

аптерос

Антонина Шипулина

Антонина Шипулина

Аптерос

«Издательские решения»

Шипулина А.

Аптерос / А. Шипулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965510-3

«Аптерос» — так звали древние греки богиню победы Нику, которую они, желая навеки остаться победителями, лишили крыльев. Но каково быть самой богиней, так униженной людьми? Каково вернуться на Олимп опозоренной, искалеченной, разбитой? Эта история о драконессе, потерявшей крылья, а с ними и свою личность. Велмара жаждет вернуть свое «я», учится не делить мир на чёрное и белое. Но возможно ли починить нечто настолько сломанное? И всегда ли любовь и дружба могут стать ключом к исцелению?

ISBN 978-5-44-965510-3

© Шипулина А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 0	11
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Аптерос

Антонина Шипулина

© Антонина Шипулина, 2019

ISBN 978-5-4496-5510-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Некоторые вечера бывают тяжелее других без особенных на то причин: сегодня не было дождя или снега, была осень, самое непростое для пахарей и их господ время, когда надзор даже за самыми горькими пьяницами втрое строже, чем всегда. Но народу в харчевне всё равно было отчего-то битком, при том у слишком многих уже достаточно заплетались ноги, чтобы они не желали вставать и подходить к стойке лишний раз. Особый труд доставляла необходимость иногда проталкиваться сквозь толпу: места для сидения хватало не всем, и люди у столов стояли, стояли и не у столов, группами они собирались даже на улице под самым порогом, в пучке света у распахнутых дверей, и всё это сопровождалось непрекращающимся громким говором, как живых голосов, так и её внутренних, придуманных. Или не придуманных – Эсме не имела понятия об их природе, знала только, что они есть и они не лгут.

Уже спустя пару часов голова раскалывалась. Хуже всего был проклятый земляной пол. Ходить по нему могло бы быть легче, будь у неё хорошая, целая обувь с добротной подошвой, но на подобное денег не было, и приходилось мириться с дешёвой, из телячьей кожи и вовсе без подошв. Более того, Эсме постоянно на ноги наступали, и она уже предвидела, как вечером, избавляясь от чулок, будет наблюдать вместо своих белых ступней посиневшее, в мозолях месиво. Ноги заживать не успевали, на старых ранах появлялись новые, и какую же зависть вызывали у Эсме чужие хорошие сапоги! Особенно в те моменты, когда эти сапоги отдавливали ей пальцы.

Ещё сильнее травмило душу воспоминание о пробковых полах в Ратмире. Это было дорогое удовольствие, но в их господском доме полы всюду были либо каменные, либо пробковые, если речь шла, к примеру, о кухне или иных помещениях, где господа бывали, но куда не принято было водить гостей. Чудом из чудес было пройтись по мягкому, пружинящему полу босыми ногами, чтобы заглянуть, что варится в котле на кухне, услышать частый стук ножей, с умным видом проверить, какого качества доставили яблоки или как ошипали дичь, и при том быть совершенно сытой. Сейчас, если кто-то заказывал себе жареного поросенка или даже тушеные овощи, Эсме едва сдерживалась от того, чтобы не капать слюной им в тарелку. Да, их тут, конечно, кормили, но это была жизнь совсем впроголодь, а Эсме, чтобы не давать хозяину харчевни поводов злиться на себя, ела втрое меньше, нежели другие, и впятеро меньше, чем хотелось. Она никогда не могла назвать себя девушкой в теле, но теперь, лежа на постели, и так твёрдой и полной клопов, Эсме чувствовала, как больно упрутся тазовые кости и позвоночник в дерево.

Хозяин харчевни был человеком лет пятидесяти, из имперцев по крови, зажиточным горожанином, который однажды решил обзавестись собственным надёжным источником дохода. Харчевня цвела и пахла уже более двадцати лет, стала местом в определенных кругах известным и почти приличным, и потому Эсме не хотела бы уходить отсюда куда-нибудь ещё. Помимо крыши над головой и пищи ей платили тут какое-никакое жалованье, работа была не самой тяжёлой, ей прощали то, как дурно говорит она по-имперски, и о большем она просить и не смела. До тех пор, пока не отыщет кого-нибудь из сородичей, конечно.

Хозяин был женат, но, как рассказала Вилория, жена сбежала от него. У них был сын, сейчас ушедший на службу, и маленькая дочь, однако девочка не протянула долго, и потому старик был вечно озлоблен. Эсме всеми фибрами души ощущала, что жизнь кажется ему сплошной несправедливостью, издевательством над ним; он не верил уже даже в возвращение со службы сына, да всё искал повода с тем рассориться и не передавать харчевню ему в наследство. В качестве развлечения он пил и иногда бил своих подчиненных за что ни попадя – просто оттого, что мог, имел на это право. Кто-то сопротивлялся, конечно, но Эсме только и могла, что избегать хозяина по возможности. Однажды ей сильно от него досталось: он пришёл в кухню, чтобы

взглянуть, как едят из общего котла повара и официантки (последних тут жило тут всего трое – Эсме, Динка и Вилория), почему-то решил, что Эсме берёт себе больше прочих, схватил чугунную поварёшку и поколотил её при всех. Возмутилась только Вилория, и за ней, чувствуя, что это как-то неприлично, повара – они-то и отняли у хозяина поварёшку и отвели его прочь. У Эсме, от неимения на костях мяса, болели сами кости, но это было ничего. Она умела справляться с физической болью, но ничего не сумела поделать со своим постоянным страхом съесть хоть на ложку больше других. К этому прибавились другие мысли, о том, что голодно всем, и, беря больше себе, она вынимает это из чужого рта. Вина ела её поедом – в прямом смысле.

Ночами Эсме часто плакала. Вилория делала вид, что этого не замечает. Динка первое время кружилась вокруг, а вскоре ей это надоело. Затем она вышла замуж и поселилась в доме у мужа. Как правило, Эсме плакала от обиды, от усталости, от задетой гордости, из-за каких-то маленьких бед, случавшихся за рабочий вечер. Иногда её доводили до слёз разорвавшиеся чулки или пятно на единственном приличном платье. Она невыносимо устала стирать руками в холодной воде после долгого дня, а потом долго ждать, пока платье высохнет, не высывая носа из-под одеяла. Она бы сшила себе другое, но почему-то каждый раз отмахивалась, думая, что проживёт и так, и тратила деньги на что-нибудь еще, к примеру, книги или гребешки для волос. Её длинные волосы линяли от голода, и сделать из них что-то сколько-нибудь приличное отнимало немало сил. Эсме совершенно не представляла, как справляться со своими волосами, но от предложения Вилории обрезать их девушка отказалась. Так что пришлось научиться плести косу самой себе – кривую, растрепанную, но всё было лучше, чем ничего.

Большую часть времени физическая боль и измождение заставляли Эсме почти сразу засыпать. Правда, её нередко будил то гомон на улице, то крик ночной птицы, то проезжающая конная повозка или храп кого-то из соседок, и, очнувшись в глубокой ночи, она уже не могла совладать со своими эмоциями. Страшнее прочего бывали моменты, когда ей вдруг что-нибудь напоминало о старом доме. Она могла услышать внизу ратмирскую речь, увидеть двух заезжих из большого города маленьких сестер, и тогда как будто ударом плавника рыба поднимала муть на дне, и весь окружающий мир погружался в туман – она ничего не слышала вокруг себя и не видела, погруженная в извечные вопросы. Почему сестра оставила их? Жива ли она? Если жива, то неужели ей также тяжело, так же горько и одиноко, или ничто не омрачает её жизнь? Эсме не знала, что для неё хуже – то ли, что Шеманн одна и страдает, или то, что сестра может быть счастливее без неё.

Когда вечер кончился, Эсме поднялась наверх и уже готова была повалиться без сил, но едва она успела дернуть тугой узел на фартуке и выдохнуть свободно, как услышала голос Вилории, звавшей её по имени.

Вилория была из аборигенного народа. Она была похожа на имперку, но только для привыкшей к южанам Эсме; завоеватели-имперцы на раз-два вычисляли в ней кровь коренной жительницы. Со временем Эсме поняла, что дело в более тёмном тоне кожи и разрезе глаз Вилории, несколько уже, чем у имперцев. В остальном это были те же прямые чёрные волосы и живые, с влажным блеском чёрные глаза. Вилория говорила быстро и с местным акцентом, и большую часть её речи Эсме была совершенно не способна разобрать. Она даже привыкла к тому, что её имя звучит теперь именно так, как произносит его обычно соседка – с ударением на «эс» и почти без окончания. Со временем Эсме стала именовать так себя во внутренних монологах – и, может, называй её Вилория пафосно-торжественно Эсмеральдой, как это обычно делал хозяин заведения, она бы смирилась и с этим. Однако сокращение, данное аборигенкой, нравилось ей больше. К тому же, Эсмеральда было полным именем той девочки, что пришла когда-то устраиваться сюда на работу и чьё место заняла она, по рождению Лира, а теперь смирившаяся с этим прозвищем Эсме.

Тогда Лира бежала от прежней жизни, ища хоть временного приюта, и на её пути оказалась она – девочка семнадцати лет, в лицо которой Лира смотрела, как в отражение в зер-

кале. Силой Лира забрала у сиротки её место в жизни, ведь не всякий день такая удача: они были похожи внешне, их обеих не знали в этих местах, и по-имперски они обе говорили плохо. И работа, и тёплый угол были нужны обеим, а стать официанткой могла только одна. Настоящей Эсме пришлось уйти, однако Лире, прикинувшейся Эсме для глаз владельца харчевни и служащих, всё равно не хотелось забирать чужое полное имя, когда уже было своё.

Поначалу Эсме, как всегда, ничего не поняла из того, что от неё хотела Вилка. Вилория начала повторять свою речь заново, помедленнее и опуская детали, а также заменяя слова на те, которые Эсме были знакомы. Кое-как они объяснились: оказалось, что через город будет проезжать поезд военных, и среди них будет жених Вилории, о котором та рассказывала Эсме бесконечно. Прежде, чем его, как старшего сына местного князька, забрали на службу, Вилка служила при их доме, и выросшие вместе они до того привязались друг к другу, что не пожелали разлуки до конца своих дней. Мало кто, конечно, одобрял эту помолвку, Вилорию выгнали из их дома, оставили без крова и без копейки, но, как хвалилась сама Вилка, она не так проста. Своего избранника она называла Мадэл, и хоть Эсме и понимала, что это не его имя – имени она так и не запомнила, – сущность этого прозвища для неё долго была сокрыта. Много позже кто-то рассказал ей, что мадэлом тут называли пустельгу, и с точки зрения Вилории это было ласковое и почетное прозвище.

На следующий вечер была смена Динки и Эсме; Вилория на целый день убежала к развилке у города ждать своего суженого. К вечеру она вернулась и долго и упорно уговаривала Динару, чтобы та отпустила Эсме с ней; затем столько же убеждала свою подругу, что уйти не опасно, ведь хозяин уехал в гости до утра, а если вдруг и вернется, то Динка что-нибудь соврёт ему. Эсме боялась. Динка врала неубедительно; она не отличалась умом, и в силу этого она могла учинить подлость, и сама того не заметить. Нередко Эсме приходило в голову, что Динару сложно называть Динарой, это имя ей было не к лицу, её так и хотелось окликнуть просто Динкой, как собаку. Противоположное было с Вилорией: её почти всегда называли Вилкой, но в ней было столько бытового благородства, сентиментальности и остроумия в одно время, что Эсме называла её почти всегда Вилория, на что та плевалась – «отчего ты меня как дворянку!»

Вилка желала присутствия Эсме рядом с ней на пирушке у десятников, в число которых входил и Мадэл. Вилория была уже навеселе, а Эсме, оказавшись между ней и каким-то молодцом со смятым набок носом, только то и делала, что осторожно сливала своё вино в его бокал. Когда взошла луна, он был уже совсем пьян и заснул в конце концов, и Эсме оказалась в незавидном положении. Она никогда не пила, раньше потому, что боялась вызвать неодобрение матери, а сейчас из-за ощущения полной беспомощности среди этих чужих ей существ. Она не понимала, о чём речь, не отличала лица Мадэла от других, но её никто не обижал здесь и не заставлял выписывать пируэты по залу с подносом, так что в целом это было лучше, нежели вечерняя работа в харчевне.

Но стоило Эсме запаниковать и начать искать возможность улизнуть – она уже подумывала о притворном обмороке, – как Мадэл поднялся и выдвинул некую идею. Вилка поддержала его, подхватила Эсме под руку и, заглянув в её ошалевшие от ужаса глаза, сообразила, что Эсме ничего не понятно.

– Всё в порядке, – медленно произнесла Вилория. – Пошли, посмотрим диковинку.

Их вывели во двор, и Мадэл, приятной наружности черноволосый молодой человек, похожий, как брат, на Вилорию и на всех прочих десятников, повёл девушек прочь, в сторону выхода из города. Большая часть обозов военного поезда расположились там, лишь некоторые привилегированные вояки смогли позволить себе снять комнаты в городе. Мадэл, конечно, был в их числе. Он мог бы и вовсе поехать домой, но ссора с родителями и желание остаться с товарищами побудили его держаться в стороне от родных стен.

Дойдя до лагеря, Эсме успела пожалеть, что она отказалась от тёплой постели по расписанию. В этот час уже мало кто сидел в харчевне, и с тех было очень мало толку, поэтому девушки с поварами обычно выгоняли их из харчевни и запирали двери, чтобы спокойно разойтись по своим углам. А из-за затеи Вилории Эсме пришлось почти бегом следовать за привыкшим к скорому маршу Мадэлу и восторженно мчащейся впереди приятельницей.

Первое, что поняла о лагере Эсме, – что он полон пленных. А потом нутром ощутила, что это не просто пленные.

– Карви ведут, – мило пояснил Мадэл, даже сбавивший темп речи. – Имперцы их иначе зовут. Драконы. Страшная сила, в самом деле, с ними сложно найти общий язык. Я не хочу подвергать вас опасности, так что на буйных мы смотреть не будем, лучше на тех, что давно здесь и совсем покорные. Таких редко переводят, однако несколько экземпляров у нас всё же есть.

Между нескольких палаток кто-то бросил грубо отёсанное бревно вместо скамьи. Рядом с ним был потухший костер, и если бы не грохот цепей, то Мадэл бы прошёл мимо, не заметив прикованную к этому бревну женщину. Она уныло грохотала цепью, поднимая и опуская скованные руки и наблюдая, как играют на металле лунные блики. Мадэл издал возглас, всплеснул руками и направился к ней. От приближающегося звука его шагов она встрепенулась, замерла, и, видимо, подняла голову, вытаращив глаза, но в темноте Эсме едва ли могла это разглядеть.

– Идите ближе, – позвал десятник, и Вилория почти потащила Эсме по степной траве поглазеть на пленницу вблизи. – Это одна из них. Видимо, кто-то забыл её здесь, нужно ответить к прочим, не то это не кончится добром. Видите, какая она? Даже не пыталась убежать. Хотя трогать тоже не стоит, – он аккуратно отвел руку Эсме, потянувшуюся к её волосам, – она всё равно зверь, не верьте тому, что видите. Обычно она так и идёт в облике бестии, жуткое зрелище, всё равно, что ящерица, но на длинных ножках и ростом с вашу харчевню. Она и сейчас, если её трогать, может впиться зубами в руку и сверкнуть глазами, так что лучше не трогайте, милая.

Эсме прижала ручонки к животу и вздохнула. Мурашки бежали у неё по спине при взгляде на эту высокую, сильную женщину; она не была хороша собой, но что-то было запоминающееся и в то же время уже знакомое в её лице. Мадэл светил ей в лицо факелом, и Эсме могла неплохо разглядеть её загнутый нос и крупную верхнюю губу, но глаза, пустые, невидящие, были хуже всего. Эсме знала, что это не от её звериной сущности у пленницы были такие глаза – из неё выбили палками всякий смысл и живость. Эти глаза, холодные и непроницаемые, без малейшего выражения, напоминали Эсме кусочки зелёной слюды.

И от этого Эсме и хотелось погладить пленницу по тёмно-каштановым волнистым волосам – хоть немножко, хоть на минутку дать ей знать, что она не одна в этом свете. Вид её страдания только убеждал Эсме в необходимости всеми силами беречь её собственную жизнь и свободу. «Вот что бывает с драконессами, когда они молоды и неосторожны, – говорил ей голос разума, – вот тебе живой пример».

– Самое главное в их бесовской сущности – крылья, это известно, – продолжал разглагольствовать Мадэл. – Поэтому мы рубим им крылья. Не всем, как я знаю, но большинству, тем, что проблемные. У этой крыльев уже нет, и мне много чего страшного про неё рассказывали. Она передавила и пожрала несметное число людей. Раньше её пускали на поле боя, так она могла одна, кажется, смести хвостом целую армию. У неё два рога было, на подобие оленьих, так она об решётку обломала себе один – хотела прутья сломать, а не вышло. Потом присмирела и помешалась. С ней раньше даже поболтать было можно, мне тысяцкий сказывал, как он по юности с ней забавлялся. Он ей кинет кусок хлеба, а она пнёт горбушку и поливает его какой-то своей бранью. Носится, бесится, а как оголодает, сама же ползет к этому хлебу и плачет. Говорят, лошадей тяжело обуздывать. Ха! А вы попробуйте иметь дело с карви. Не пожалеете.

– А что она делает сейчас? – поинтересовалась Вилория.

– Всё больше чахнет по темницам, что ей ещё делать. Сейчас на постройку храма её везём, будет вместо коней, пока не издохнет.

Пленная, которая всё это время напряженно слушала, опустила глаза, видно, заболевшие от света огня, и снова принялась играть цепью.

– У неё есть имя? – опять задала вопрос Вилка.

– Обычно её тут зовут просто чернявая, – пожал Мадэл плечами. – Может, имя и есть. Кто же у неё интересовался. Эй! – он ткнул её в плечо, на что она вздрогнула, втянула голову в плечи и растянула губы в оскале. – Не греми. Не греми, поняла? Раздражаешь.

Эсме растерянно смотрела на эту женщину и думала о том, кем она могла бы быть раньше. Официантка прислушивалась к своим внутренним голосам, но для неё звучала только одна фальшивая нота, что-то вроде детского пения-бормотания, перемежающегося с редкими разумными, связными фразами, которые тяжело было разобрать. Скорее всего, чернявая просто сдалась окончательно. Причём сдало не тело, как это ощущала на себе Эсме, – рук пленницы, пойманных светом огня, было достаточно, чтобы понять, что даже в таком положении она остается сильна, здорова и вынослива, – а только замученный, зажатый в тисках разум. Но что-то подсказывало Эсме: сознание в этой драконессе ещё остается. Это ещё не совершенно подавленное животное.

– Пойдёмте, отведем её к другим, – десятник дернул за цепь, и в её звоне Эсме показался оттенок близкой смерти. Она заглянула в лицо Вилории, но та ничуть не изменилась, всё такая же прибодрённая. Мадэл был совершенно занят своим представлением с пленной. Чернявая не желала вставать, а он уговаривал её и тянул, как упрямую козу.

– Я вернусь домой, – покачала головой Эсме. – Мне нехорошо.

– Дойдешь сама? – обеспокоилась Вилка. Эсме кивнула, и её отпустили на все четыре стороны.

Спустя несколько месяцев пришла весть о том, что этот поезд был атакован неприятелем; Мадэл убит, как и многие прочие. Вилория изводила себя, кричала, что это сплетни, сожгла подаренное женихом платье в доказательство о том, что он не умер и подарит ей ещё сколько угодно таких платьев. Однако скоро привезли его родители мёртвое тело, но отчего-то Эсме совсем не могла сочувствовать горю соседки и получала справедливые упрёки.

Глава 0

Пали цепи. Десятки огромных, на первый взгляд неповоротливых созданий стали свободными.

Те, кто оказались первыми рабами человечества, никогда не прекратят попыток вырваться из мрака неволи. Борьба за свободу внутри тюрьмы едва ли имеет смысл, но жива надежда на явление освободителей, к которым прежде относились многие из сегодняшних узников. Освободители приходят с запада, и они – настоящие воины, живущие чередой освобождений и пленов, пока их не настигнет смерть.

Люди, несколько веков назад боявшиеся природной физической мощи их врага и потусторонней силы, что во власти этих существ, сегодня берут в руки щипцы и с силой рвут чешуи из живой спины, режут толстую кожу, кромсают перепончатые крылья. А когда слишком сильно тело, способное сопротивляться человеку даже с изломанными крыльями, с невидящими глазами, с недостающими кусками кожи, – безжалостно калечат. Крылья отрубаются долго, мучительно: отскребают шкуру и чешуи с живым мясом, сдирают с тела мышцы, ударами топора и секиры раскалывают кости. Иные не выносят боли. Они – счастливейшие, ведь других ждет заживление без помощи врачей, и тьма, и тюрьма, а самым упорным – пустая свободная жизнь.

Ведь тело не спрашивало их, желают ли они остаться в живых.

Глава 1

Из темноты – в снег; пружинят сильные лапы, и, только что опиравшиеся на камень, они уже погружаются в сугробы до самых локтей. Слепит солнце, отражённое каждой белоснежной песчинкой, каждой крупицей этого сверкающего мира, лучи проникают почти под кожу; *она* – это и часть солнца, и часть промерзшей земли, и всего лишь отдельное от всего этого создание, способное чувствовать и наслаждаться.

Когда спадает первая пелена слепоты от света и можно уже разобрать дорогу перед собой, она смело, не прощупывая дороги в свежем снегу, мчится вперёд высокими скачками, складывая кожистые крылья, чтобы не мешали, – их время ещё придет. Даже после лютой метели, когда в горах всё ровно и гладко, так, что не разобрать, есть ли рядом обрыв, крупный камень, острая скала, старшие не боятся отпустить молодняк порезвиться пор склону: он ровен, как кошачья спинка, совсем не крут, только далеко внизу, к югу, есть один резкий склон, но только малышня не знает, что он там есть, и не успеет расправить крылья по пути вниз.

Всем своим животным существом она трепещет. Тяжелая толстая чешуя, лежащая на хребет пластинами, только начинает крепчать, и ещё не давит на неокрепшую спину своей чудовищной массой; её лапы гибкие, тонкие, они не ступают на снег всем весом, не оставляют неглубокие, но широченные следы. Как палочки, лапки пробивают ледяную корку, покрывшую снег поверху, и если уж провалишься в глубокий сугроб, то с головой. Впрочем, провалиться – такой же легкий испуг, как неожиданно для себя сорваться с того самого обрыва: в жизни нет ещё вещей, способных уязвить самолюбие и пошатнуть храбрость молодой драконессы.

Где-то запаздывает её спутник, она чувствует его затылком; и всё снег, снег, свет, сияние её будущей славы, её побед и прекрасной жизни, простирающейся впереди. В этом будущем одним махом она перескочит через препятствия, перенесет любые бури – и будет ещё крепче, чем прежде, как крепчает на боках младенческая чешуя, по уверениям старших, закаляющаяся валипскими морозами.

Здесь – визг, радость и жизнь; а ниже по склону – сосняк, такой живой и суетной в короткое горное лето и совершенно мирный и молчаливый зимами. Драконесса любит зиму: ничто не нарушит гармонии в сосняке, не мешает взгляду, только ровный снег, тропка, вытоптанная её лапами и лапами друга, и красные живые стволы в снежном узоре, а где-то высоко – ещё иголки и ровное, мутное небо. Всё, что нарушает неподвижность, – только редко осыпающийся порывом ветра снег, а так – молчание, которое страшно нарушить, умиротворение, покой, глубина и свет.

Тогда всюду был свет. Она помнит. Теперь потёмки.

Это воспоминание было самым ярким. В нём остался и спутник, и лес, и ощущение детства и смелости, уверенность, похожая на достоверное знание, что однажды станет лучше, чем сейчас, более того: вера, что в один прекрасный день всё наверняка станет хорошо. Но то ожидание каким-то странным маневром времени превратилось в сегодняшнюю мечту, теперь недостижимую: Велмара хотела бы снова вернуться в ту жизнь и не знать больше ни одного другого момента.

Раньше она надеялась, что этот день из прошлого можно воскресить в её настоящем. Нет, конечно, и она стала другой, и мир слишком изменился, чтобы было точно так же, как в детстве, но неужели невозможно было найти хотя бы маленький кусочек прежнего в нынешнем? Ведь всё так просто! Свет, снег, пологий склон, добрый спутник и ждущий внизу сосновый лес. Снег был в её жизни каждый день и так, потому свой тайный смысл он утратил. К свету она была будто бы слепа и, выходя из ворот Драконьего Горба наружу, больше не останавливалась, чтобы немного проморгаться и привыкнуть к сиянию мира. Она стала другой, и это давно было понятно.

Когда Велмара только возвратилась, ей много рассказывали о том, что изменилось и что было раньше. В том числе прозвучало какое-то имя и фраза, что его обладатель умер. Это было сказано с таким трагизмом, а брошенный на неё взгляд был таким долгим и многоожидющим... Было неловко отвечать, что она совершенно не помнит, кто он. От неё ждали, что в это мгновение весь её мир обрушится, но беда была в том, что мир уже был обрушен и на его месте зияла пустота.

Позже она слышала это имя лишь в ничего не значащих вздохах о прошлом и в ответе одного из знавших её прежнюю на вопрос об её таинственном спутнике из самого целого воспоминания: «Может быть, это был..?» Может быть. Но всё равно всё уже было потеряно.

Сосняк она вспомнила случайно. Прежде драконесса не осознавала, что он был в этом чудесном отрывке из её прошлого, будто бы и зная, что лес был частью её мыслей в тот момент, но совсем не принимая его во внимание.

– Здесь был лес, – однажды заметила она, спустившись со склона. – Сосновый.

– Верно, – удивился в ответ Бенне. Велмара широко раскрыла глаза, у неё даже дыхание сбилось от восторга: воспоминание! Ещё можно что-то исправить, вспомнить что-то важное из того, кем она была!

– Где этот лес? Я хочу вернуться!

– Сгорел, – мрачно хмыкнул дракон. – Замра болтал, что летом пожары – обычное дело, просто теперь это дошло и до нас. А я не верю. И кто поверит? За ночь до этого здесь проходили люди – не сомневайся, их вина.

Оставшийся ниже по склону лес был слишком древним, чужим. Тёмная чащоба. И так Велмара потеряла веру, что ей повезёт вернуть этот день.

Всё было во тьме её рабства. Замра говорил, что тогда её дух сдался, потому что борьба обернулась бы смертью. Воспоминания о свободе слишком её ранили, побуждали рваться наружу, на волю, к свету – и тогда разум избавился от них, чтобы сохранить ей жизнь. Остались одни только потёмки заточения и последовавшее освобождение, ничего в её душе не шевельнувшее, ведь того, что приносило бы ей не тающую после пробуждения радость, не осталось. Сородичи были мерзкими, собственное искалеченное тело – ещё противнее, зима, лето, горы, равнина – одинаковое презрение. Так стало не сразу, но стало. Велмара честно пыталась сначала быть той, кем была раньше, потом – принять себя и быть принятой другими такой, какой она стала. Нет, черно. Даже не тьма, полная мрачного достоинства и горькой романтики, заполонила её жизнь – бесцветные потёмки.

На её шкуре много шрамов – она не помнит, откуда они взялись. К ней подходили когда-то ей близкие (близкие ли?), говорили добрые слова, утешали, а ей хотелось в ужасе отпрянуть, оскалиться, умолять не лезть ей в душу. Это были какие-то незнакомцы, не привыкшие к её приобретенным в рабстве страхам и ничуть с ними не считавшиеся. Страх было много. Что-то из них так и осталось... И тоска по забытому почти полету скрипит как песок на зубах: ни вкуса, ни запаха, только чувство обречённости и неполноценности.

Когда Велмара стала участвовать в буйных застольях, общаться с другими, искать новые родственные души, она поначалу держалась тех, кого общее мнение будто бы признало драконами достойными. Одной из таких была Рира Плоскозубка – западная драконесса с широкими плоскими зубами, совсем почему-то не острыми, с длинным извивающимся хвостом, с серебристо-голубоватой мелкой, похожей на рыбу, чешуей, весьма симпатичная в человеческом обличье. Она была из компании воинов, как и Велмара, и поэтому найти в ней какую-нибудь скользкость драконесса не боялась. Они же не просто так оказались рядом, за одним столом, в одной воинской касте?..

Всего в Горбе существовали три касты, из которых наиболее многочисленной были именно воины – воспитанные рвать людей голыми когтями, без ухищрений, без выдумок. Некоторые, конечно, владели щитом и мечом, но мало кто любил становиться ровень

с людьми и сражаться их же оружием, в то время как природа дала им кое-что получше. В противовес воинам были разведчики, занимавшиеся вопросами конспирации и политики, ведь в действительности Горбу было мало иметь физическую силу в лице воинов – ей необходимо было разумно управлять. Правда, это не мешало воинам презирать разведчиков как чистоплюев и не желать с ними водиться, а разведчикам – фыркать и кривиться в сторону воинов, признавая в них тупоумных дуболомов.

Нейтралитет сохраняли лекари, полезные и там, и здесь, и достаточно малочисленные. Настолько малочисленные, что пересчитать их можно было по пальцам одной лапы. Как правило, к лекарям же относили по какой-то причине всякий сброд, который и не вполне ясно, что делал в Горбе; эту общность чаще называли мирянами или горожанами.

– Ох, а помните...? – однажды начала рассказывать какую-то весёлую историю Рира во время всеобщего галдежа в безделье. – Велмара, ты помнишь Долгодума? Такой мелкий разведчик, желтенький, как одуванчик, однако такой...

– Не помню, – резко оборвала Велмара. – У меня, между прочим, была амнезия.

Посланная ею волна угрюмости прокатилась по всей шумной компании, и те притихли. Плоскозубка проглотила свою весёлую историю – всё равно бы её уже никто не оценил – театрально бросила взгляд на Велмару и прогудела:

– Амнези-ия! – резко сменив тон на визжаще-кричащий, она продолжила уже без дразнилки: – Что ты кичишься своей амнезией!

– Я не кичусь! – возмутилась Велмара, но кто её уже слушал!

– Амнези-ия! Ой, чем же я завтракала сегодня?

– А как там моё имя, не подскажете?

– Амнезистка!

Каждый напрягал остроумие (а вернее, слабоумие), сколько было сил, каждый гудел, пыхтел и басил на все возможные голоса в подражание Плоскозубке.

– Я вот, может, тоже не в масле катаюсь! На мои зубы посмотри – мне их спилили, как ты думала, а? Кто?! А ты, понимаешь ли, с амнезией и бескрылая! Дура ты бескрылая, вот кто – поменьше рот открывай, сил нет слушать твоё нытье, – Рира звучала поверх всего неостановимым потоком слов, дававших всё большую пищу для других умников.

– Бескрылая, да! Есть Плоскозубка, а теперь Бескрылая!

– Поэтизм-то какой! Нравится, Велмарка?

Велмара и слова не могла вставить, разинув рот. Только что дружески подтрунивавшая приятельница – уже гарпия.

Уходить напоказ Велмара не решилась. Дождавшись, когда разговор уйдет в другое русло, она позорно скрылась у себя. Сначала хотелось расплакаться. Её кое-как заслуженное чувство собственной ценности было уничтожено, и разве она теперь отличается от той странноватой драконесски, над которой подшучивала с Рирой ещё вчера? Той, которая, чуть стоит попросить её говорить громче, не шаркать при ходьбе или не гнусавить, плаксиво бормотала: «Ты меня не слушаешь! Я не могу громче, не могу не шаркать, я такая родилась!» Было смешно. В её вечной детской плаксивости виделось полнейшее отсутствие собственного достоинства, в её неспособности вести себя чуть-чуть иначе – жалкость. Вчера её осмеивали, сегодня осмеяли и тебя, Велмара. И как ни старайся, из грязи чистым не встанешь. Это «бескрылая» быстро вьется на клеймом, по которому её станут поминать чаще, чем по имени.

Впрочем, чем дальше она думала, тем больше приходила от жалкости к ярости. Её оскорбили. *Прилюдно*. Выставили на посмешище. Рира нашла себе союзников, и ладно – другие просто считают её слишком сильным противником, чтобы с ней связываться. Ещё неизвестно, в чём дело – в тяжести когтей или остроте её слов, но в чём сила самой Велмары, она знала наверняка.

И когда раздался визгливый голосок за столом:

– Ну что, как полёт, Бескрылая?

Она медленно поднялась, чёткими, ровными шагами приблизилась к Плоскозубке, схватила её за космы и рывком – её лицо о стол.

Жутче всего был хрустнувший нос, и затем всхлипы Риры в напряженном молчании.

Велмара подняла глаза. Всё было справедливо. Рира завралась, ей следовало помнить, что она мелет, и кому-то давно стоило её проучить. Это был маленький триумф, торжество правды и добра. Всё было правильно, но почему-то и тени одобрения и поддержки не было на лицах свидетелей отмщения.

Они смотрели ошарашенно и злобно.

Может быть, вся эта угрюмость предназначалась не ей, Велмаре?

Нет. Ей. Она беспомощно ловила чужие взгляды, ища сочувствия или одобрения, но либо наталкивалась на стену возмущения, либо приятели стыдливо отводили глаза.

Она села снова за стол, другие же, осознав, что Велмара больше не представляет опасности, повскакивали с мест и бросились на помощь хрипящей и захлебывающейся в крови и обиде Плоскозубке. Кто-то зло прошипел: «Нет, это *слишком!*», и больше Велмара не удостоивалась за столом ни одного слова. Её не прогнали, но ситуация стала сама по себе подразумевать, что ей здесь не рады; и она ушла, не ища объяснения, в чём неправда.

Так она стала надолго лишней и чужой в кругу воинов. В напоминание о случившемся никто больше не звал её по имени – одно корявое Бескрылая, или его новое производное – Беса или Бес.

Словно бы она стала или демоном без сердца, или в целом существом, у которого чего-то не доставало. Одно лишь *без*.

Глава 2

Когда были бури, безделье обычно замещалось шумной пирушкой. У Драконьего Горба были свои игры – и человеческие, свои развлечения – и завезённые из краев более теплых, чем горный пик Валип. Выйти наружу мало кто дерзал, поэтому жизнь кипела в пределах пещерного города. Запасы щедро раздавались и поедались, и если сегодня устраивал застолье Ватакур с его весёлыми историями о прошлых днях, то завтра – Калаула с его тягой к философским размышлениям и каким-то чисто южным блюдам и разговорам. Но никто, в общем-то, против его разглагольствований не возражал: хозяин не принуждал его слушать и всегда можно было заняться тем, чем вздумается.

В тот день у Калаулы был повод праздновать. Его миленькая розовощекая жена, такая же, как и муж, коренастая, низенькая, типичная южанка, была беременна. Голдура когда-то не давала Велмаре покоя со своей неуместной заботой и желанием «отдать долг из прошлого», но эта суета скоро также осталась в прошлом, и теперь, как и со всеми другими, она при виде Велмары могла всплеснуть руками, воскликнуть «Бескрылая!», чмокнуть в щеку и забыть о госте на последующие сутки. В сравнении с Калаулой Голдура казалась тупой, как пробка, но нельзя было поставить под вопрос её способность беззаветно любить мужа и находить подход чуть ли не к любому, к кому ей было нужно. По слухам, ненавидеть она умела ещё сильнее, нежели любить, и, если бы не это свойство, едва ли Голудра нашла бы своё место в западническом обществе. Эта розовощекая курочка-наседка могла рвать врага в клочья, искренне наслаждаясь кровопролитием, хотя, признаться, Велмаре ничуть в это не верилось. Другой Голдуры, кроме внимательной хозяйки, не умеющей знать в совершенстве ни один предмет, но слушающей Калаулу с трепетом и щенячьей преданностью в глазах, Велмара никогда не знала. Не в этой жизни... части жизни.

Как-то раз она спрашивала Калаулу, с какой стати он вообще выбрал себе в подруги такую на редкость недалёкую южанку. На свете было немало южанок значительно поумнее, такова их южная природа – быть умницами, и всё же Калаула выкопал себе этот алмаз. Тот пожимал плечами: может, Голдура и не блещет умом даже для западки, зато в её привязанности нет ни капли разума и расчёта. Её любовь очень настоящая и безрассудная, и, судя по тому, что Калаула покинул свою тайгу и родных, чтобы Голдуру не обижали её же сородичи, его любовь к ней была точно такой же безоглядной, безрассудной и крепкой. Этот ответ только сильнее выбил почву из-под лап Велмары. Она это потеряла... и не знает, было ли у неё всё то же, что у бестолковой Голдуры, хоть когда-нибудь.

Велмара не любила бывать у Калаулы. Но когда там собирались все её знакомые, приходилось: не бродить же в одиночестве? Что она, изгнанница, лишнее звено, чужак? И, к тому же, нашелся выход: чем быстрее напьешься, тем быстрее забудешь, что вздрагиваешь от одного слова «Бескрылая», что кто-то может обижаться на неё, Велмару, недолюбливать её, ненавидеть её, и нет ни одного живого существа во всем этом муравейнике, которое было бы готово её выслушать и которое казалось бы Велмаре достойным её слушать. Да и что тут слушать?.. Одно дело, когда есть история и можешь рассказать о своем горе, о трагедии всей жизни, об одолевающих тебя чувствах, намекнуть на причину, да хоть что-нибудь. Что тревожило Велмару, поначалу она не могла себе объяснить, а потом уже и боялась об этом думать. Приятнее было слушать чужую болтовню, наслаждаться настоящим моментом, не заглядывая в будущее и не поминая прошлого. Впрочем, как – наслаждаться?..

– Смотри, Иля, – пихнул задумавшуюся Велмару Калаула, невесть как оказавшийся рядом. – Тебе раньше нравилось слушать её поэмы.

– Мало ли, что было раньше, – огрызнулась Велмара, но счастливый до небес южанин пропустил это мимо ушей.

Иля была западкой-воином, тощей, как хворостина, и её никакой холод не брал. Пусть в пещерах и было тепло, но мало кто, кроме Или, мог бы расхаживать в человеческом теле, принарядившись в сарафан и тонкую рубаху из льна. Главными достоинствами Или были тонкий приплюснутый нос и длинные ресницы. Свою наружность она считала абсолютно поэтической, делая даже из шрамов от слегка порванного с одной стороны рта нечто драматично-возвышенное. Слушать её дифирамбы воинской жизни, читавшиеся монотонно и длинно, Велмаре было тошно. Но почему-то Иля пользовалась уважением, и хотя бы не делать вид, что слушаешь, было преступлением. Один раз уже испытал на своей шкуре всеобщий гнев, Бескрылая больше не решалась оспаривать принятые правила. Всё это было придумано до неё – и ладно, нет никакого смысла с этим спорить, если уж понять не хватает ума.

Когда метели оставили горы в покое, пришло время вернуться к тренировкам на свежем воздухе и другим приготовлениям к грядущему бою. Битва для западников в тёплое время года всегда какая-нибудь, да находилась, и Велмара уже сейчас, задолго до весны ничуть не возражала против хорошей драки. Она жаждала конца зимы: злоба на себя и всё вокруг искала выхода, хотелось попробовать свои силы, доказать другим, что её есть, за что ценить. Впрочем, когда в первые месяцы после освобождения её сразу вывели на поле брани, она едва с ума не сошла от испуга и своей полной беспомощности. Один вид людей снова бросил её в знакомые потёмки, тяжкое впечатление от их взглядов, их криков легло на шею цепью, и она бросилась прочь, не понимая, что творит, хотела взмахнуть крыльями – почему? Она ведь не помнит себя крылатой! – даже подскочила в воздух, оттолкнувшись от земли для взлета, но глупо шмякнулась оземь, сжалась, как напуганный котёнок, и плакала. Хуже нельзя было и придумать.

С тех пор она почти не покидала Горб. К ней приставили Бенне, из того рода западников, которым везёт появляться на свет бескрылыми. Бенне об этом совсем не волновался и считал это чем-то вроде фамильной драгоценности, к тому же, он смертельно боялся высоты. Для такой необъятной туши, как Бенне, это было и понятно. Бенне был хорошим воином сам по себе, но это ничуть не компенсировало всего остального: его мерзкого пьянства до невразумительного состояния при любом удобном случае (ни один хозяин не был рад, если на застолье появлялся Бенне); его заносчивости и абсолютного отсутствия чуткости, банальной грубости. Но больше всего выводил из себя тот факт, что, видимо, из них двоих амнезией, прямо-таки хронической, страдал больше Бенне, чем Велмара. Он либо говорил о чем-то, что было еще очень давно – «А помнишь, как Ватакур...» – с намерением рассказать хорошую историю, – а после вдруг, опомнившись, восклицал: «А, не помнишь же! Ну да ладно», либо слишком уж изображал тревожащегося о её памяти, из-за чего повторял одно и то же сотни раз. На всё возмущение Бескрылой он мог ответить, что только о ней и печётся, но эта забота выбивала из колеи в сотни раз сильнее, чем то, как иные ничуть не принимали во внимание, что Велмара чем-то от них отличается.

Её бескрылость превращала тренировки в ещё большую пытку. Как ни странно, даже после долгих лет бездействия тело Велмары помнило, что такое война и сражение. Иногда она делала движение интуитивно правильно, но чаще всего получалось так, что ей хотелось пустить в ход свои крылья. Которых не было и нет. Бенне несколько раз вздыхал, что когда она только вернулась, то даже ходила перекосябочась.

– Центр тяжести изменился, – сочувствовал он. – Тебе будет трудно переучиться, как-никак, тебе уже не двадцать лет.

И это злило только больше.

Глава 3

Самый короткий день в году и самая длинная ночь знаменовали половину зимы, однако такую странную половину, что последующая часть этого времени года длилась дольше, чем предыдущая. Впрочем, самые страшные бури уже оставили эти края; воздух был сухой, морозный, небо чистое, снегопады бывали всё реже.

Этот день обычно не оставался без особенного внимания. Для сборищ на скромный праздник самой длинной ночи выбрали один из тёплых залов самой глубокой части города, поскольку все желающие прийти все вместе не уместились бы ни в одной из жилых пещер. К тому же, едва ли кто-то один согласился бы кормить почти всех жителей Драконьего Горба, так что свой вклад в будущее празднество совершал каждый. Кто-то поделился человеческими монетками для закупки пищи в крупном городе на равнине, кто-то предоставил рабов, лошадей, иные расщедрились отдать свои запасы провианта. Велмара вызвалась сама отправиться в город, но её не отпустили без сопровождения, так что физиономия Бенне грозила испортить ей всё путешествие.

В качестве рабочей силы с ними поехали несколько рабов – обычных людей, когда-то пленённых в сражениях или похищенных из города. Впрочем, теперь похищения мало кого интересовали, по крайней мере, не в этих краях. То ли люди выродились, то ли драконы перестали видеть в них такой уж лакомый кусочек и интересную игрушку, но из сотен рабов Драконьего Горба похищенных можно было насчитать не больше десяти человек. Это не обязательно были девушки-красавицы с белыми ручками и золотыми волосами, точнее, почти никогда рабыни таковыми не являлись. Неженки здесь не были нужны, и чаще всего жадные до искусников драконы волокли в гнездо всемирно известных мастеров ремесла. Созданное их руками добро не только использовалось в быту, но еще и шло в оборот, и на снаряженную в путь телегу Бенне плюхнул несколько тюков ювелирных изделий.

Если бы не это обстоятельство и не размах праздника, можно было бы и не ехать так далеко. Но в деревнях, иногда прячущихся на склонах низких холмов, золото и другие драгоценности мало ценили. Покупать его там было выгодно, а вот продавать – нет.

Рабы были покорны, как овечки. Отчасти их подавленное сознание было делом рук умницы Мелеонора, искусника психического воздействия родом из восточников, хотя большинство рабов всё же были самыми обычными людьми, над чьим рассудком не проводилось никаких манипуляций и которым приходилось просто мириться с их странным положением. Мелеонор вмешивался только в совсем сложных случаях, к примеру, если человек – мастер, которому нужно думать о своем деле, а вот о своём печальном положении задумываться не стоит. Тем же, кто был глупее, жить было проще – они в драконов и так верили и против рабства мало возражали. Для выходцев из более развитых стран нахождение в городе в первое время казалось адом на земле. Добрая Иума, неплохо понимавшая в людях, почивала таких успокоительными средствами, и со временем те теряли границу между явью и сном и становились немногим бодрее своих подавленных соседей.

Все эти ухищрения были больше из уважения к разуму людей, чем для предосторожности. Сбежать отсюда человек не мог, тем более тот, кто происходил издалека. Горб был лишь одной маленькой горкой в гряде острых хребтов, составлявших горную цепь Валип. Короткий путь через горы был, но он был доступен крылатым, так что Бенне и Бесе предстояло провести бок о бок по меньшей мере четыре долгих дня.

Выезд был ранним утром, и пока Бенне выводил лошадей на проезжую дорогу, Велмара дремала в крытой повозке. Первое время спутник был занят как возница, но спустя час или два после рассвета Бенне смог окончательно расслабиться – лошади брели по дороге прямее стрелы, и можно было всего только держать в руках поводья, а то и передать их кому-нибудь

из сопровождающей прислуги. Бенне выбрал второе и беспечно завалился рядом со спутницей, заняв половину доступного пространства. С этого момента рот у Бенне не закрывался, и почему-то создавалось впечатление, что он абсолютно счастлив и слеп к нескрываемому негодованию Велмары.

– А вот приедем, – вздыхал он, – и я покажу тебе площадь. У них на площади огромный камень, стела называется, и на нём выцарапаны картинки, и пусть до искусства юга им пока далеко, но за последнее столетие они неплохо продвинулись в своей культуре, так что можно надеяться, что те варвары с морей, которые осели на мысе Лотур...

Велмара, отогнув край шкуры, натянутой в качестве крыши и стен повозки, смотрела на горные красоты и старалась как можно меньше слушать детский лепет Бенне. Только иногда она улавливала какие-то обрывки фраз, в остальном же бессознательно кивала, улыбаясь больше собственным невысказанным насмешкам над Бенне и внезапно возникшему тёплому ощущению покоя. Кто-то рассказывал ей, что такое бывает в пути: одним свойственно испытывать радостное нетерпение, другим – омерзение к дороге и бездействию, а третьи, как и Велмара, находили в этом особые прелести переходного состояния, когда было можно забыться на время и отдать свою жизнь в руки возничего. Иногда она поворачивалась к Бенне, поскольку казалось, что он начал беседу о чем-то интересном, но каждый раз Бескрылая ошибалась и отворачивалась снова. Лишь единожды он поймал её за подбородок и улыбнулся во весь рот:

– У тебя глаза, как слюда.

– Ничего умнее не нашел сказать? И подороже, – буркнула Велмара и вывернулась из хватки грубых сильных пальцев.

На третий день пути, когда равнина уже виднелась внизу, повалил снег, и Бескрылой пришлось растолкать заснувшего после ночной дороги Бенне. Некоторое время они ещё пробирались через быстро растущие сугробы, но после всё заволок туман, лошади выбились из сил, и тогда Бенне с серьезным видом принял решение во имя всеобщей безопасности остановиться на ночлег.

Найти вдоль дороги приличное укрытие было невозможно, поэтому ночь они провели, прижавшись к склону. Рабы пытались не околеть на улице, а драконы скрылись в повозке, впрочем, тоже продуваемой всеми ветрами. До тех пор, пока Бенне не сморил сон, он квохтал о том, что этой метели нет смысла бояться, поскольку повозка стоит далеко от края утёса, а разбойников в этих местах нет, так как ближайший торговый путь проходит через перевал в нескольких днях пути отсюда. В отличие от этой тропки, дорога через перевал широкая, потому многолюдная, но там и опаснее встретиться с лихими людьми, и прочее, и прочее... Его словоохотливости не было ни конца, ни края. Велмара начала было переживать, не придётся ли ей это слушать до утра, а значит, втрое больше, чем обычно, однако спустя пару часов монолога дракон стал путаться в словах и сам не заметил, как заснул.

Метель задержала их в пути, и в город они прибыли к исходу пятого дня. Велмара чувствовала себя ужасно измотанной после неоднократного вытягивания и выталкивания телеги из снега, причем в человеческом обличье, так как Бенне считал, что слишком опасно было обращаться на проезжей дороге, и поэтому у неё не было желания даже пытаться выглянуть из повозки, чтобы оценить красоты города, которые так оживленно продолжал ей описывать выпавшийся и совершенно счастливый попутчик.

Бенне раз за разом принимал на свои плечи опеку о Бескрылой, и в этот раз он тоже был готов чуть ли не донести её на руках до комнаты в каком-то знакомом ему купеческом доме. Велмара силой отбилась и добрела на своих двоих, после чего, немного разобрав вещи и отделив по просьбе попутчика товары от всего прочего, она провалилась в полусон. Беса привыкла спать чутко, и мало какой день мог окончательно извести её. В любой момент она могла снова вскочить на ноги и защитить себя или бежать, если потребуется.

Бенне покинул её; он собирался провести вечер в компании какого-то своего друга, имя которого должно было быть, наверное, знакомо Бесе, но она даже не смогла его запомнить. Это был какой-то южанин, родственник Калаулы, проводивший здесь зиму. На остальную часть года чужаки удалялись снова куда-то в приморскую часть гор, где занимался тем, на что обычно тратят жизнь все южане – науками. Он читал и писал что-то и о Драконьем Горбе, хотя больше его интересовало море.

Как всегда, Бенне был чрезвычайно многословен.

Из сна Велмару вырвала мысль, что она, кажется, не досчиталась одного тюка с товаром. Вскочив с кровати так, будто бы и не спала, она сразу метнулась в нужный угол комнаты. Одного тюка не было – это верно. Растяпа Бенне забыл его в повозке, которую оставил на попечение хозяйской конюшни, и это обстоятельство не устраивало Бескрылую в корне. Если кто-то уже присвоил золотишко себе, нужно было решить этот вопрос сейчас и отыскать виновного, пока он не успел что-нибудь предпринять, ведь тогда его будет не сыскать днём с огнём.

Бескрылая хотела было добиться чего-то от хозяев сама, но проблемой стал сначала язык, а потом их упорное нежелание в принципе слушать женщину. Сколько бы она ни кричала и ни махала руками, это ничего не дало, и оставалось только идти на поиски Бенне, чего Бескрылой делать не хотелось совсем, помня об его пьяных выходках.

Обоняние, по счастью, в пустеющем к ночи городе её не подвело, и за полчаса Велмара вышла к заведению, где проводили время благородные труженики-ремесленники и другой люд, имеющий хоть грош на пиво. Где-то в смердящей глубине паба она обнаружила пару несколько обособившихся фигур, в одной из которых узнала Бенне. Его собеседник выглядел вертлявым коротышкой, впрочем, как знала по себе Велмара, обычно это впечатление от южан было обманчивым: Калаула рядом с ней казался горой, но, как и настоящая гора, издали виделся в лучшем случае низенькой сопкой.

Прежде, чем подойти, Велмара интуитивно настроила слух именно на их разговор, который, как и всегда случается с Бенне, больше походил на выступление соло. Её попутчик был уже изрядно пьян и нёс какую-то околесицу, однако уже к третьему слову Велмара поняла, что речь идёт о ней.

– ...и глаза, как прозрачная слюда, честное слово, ничто другое! Она отворачивается и улыбается, и я не дурак, понимаю. Честное слово, завтра подойду к ней и скажу: Бескрылая, свет жизни моей! У меня к тебе есть серьёзный разговор...

– Это у меня есть к тебе серьёзный разговор, – рявкнула Велмара. От одного её тона побледнел даже не причастный к вопросу южанин, тогда как у бедолаги Бенне лицо вытянулось, и он будто сразу протрезвел. Гнев накатиł внезапно: мерзко было слышать, что о ней отзываются *вот так*, как о хорошей лошади, решают тут её судьбу без неё, да и сама симпатия Бенне ощущалась как липнувший к коже толстый слизняк.

Одним движением Бескрылая развернула оратора к себе вместе со стулом и уже занесла руку, чтобы влить пощечину, но остановилась, вспомнив, чем кончилась её вспышка агрессии в прошлый раз. Но Бенне и так словно ударили; он вжался в стул, вздрогнул, зажмурился. Велмара стояла над ним, ощущая себя так, будто он бросился ей в ноги и молит о пощаде, будто перед ней – жалкое существо вроде ящерицы, хуже – какой-нибудь жабы.

Несколько длинных мгновений Велмара любовалась этим скользким гадом, свернувшимся в клубок от страха. Змея нападает, но это обрюзгшее тело не имело никакой силы для настоящей атаки. Бенне, вечно бравший над Бескрылой принудительное шефство, в это мгновение был грязью на подошвах её сапог.

– Ты оставил один из тюков с товаром в повозке, – холодно и жёстко произнесла Бескрылая. – Иди и заberi. Мне его не отдают.

Как побитая собака, Бенне сполз со стула и испарился. Тогда она невольно столкнулась взглядом с южанином, который не спускал с неё глаз.

Повинуясь этому взгляду, он поднялся, подошёл к ней, напустил на лицо дежурную, немного жалостливую улыбку. Нельзя было сказать, чтобы он был так же пьян... Он дёрнулся было обнять её в утешение, но, заметив, как Велмара напряглась всем телом от одного его намерения, не стал и пытаться.

– Здравствуй, Велмара, – мягко, но не заискивающе произнёс он. – Я Марвуль. Ты не помнишь меня, верно?

– Нет, – отрезала она. – И я не собираюсь оставаться здесь.

– Зато я пойду с вами, – повёл плечами Марвуль и указал глазами на выход. – Не возражаешь?

– Ладно, – сдалась Велмара, сраженная невинностью и искренностью его вопроса. Как-то автоматически она смерила нового знакомого взглядом и обнаружила, что он был молод, желтоволос, с выпирающим горбатым носом. Хоть он и был значительно ниже её, но вполне мог бы померяться с ней физической силой; сказать, имелись ли у него какие-нибудь еще способности, было нельзя. Но ум уже точно можно было внести в их число.

Глава 4

В последующие дни, проведенные в городе, Бенне старался не попадаться на глаза своей попутчице. На обратном пути это было невозможно, но Марвуль пытался сгладить все углы, и то отвлекал от мрачных мыслей Бенне, то болтал с Велмарой. В отличие от её наставника, южанин Бескрылую почти не раздражал, если забыть о его мерзком акценте, который иногда становилось невыносимо слушать. Он звонко картавил и пытался везде вместо «о» или «е» вставить «ё», из-за чего в его устах Велмара звучала Вёлмарой. Он мог говорить по-западянски, но только если себя контролировал, на что, похоже, на протяжении долгой беседы Марвуль был не способен. Велмара скрипела зубами, и иногда он внимал её немым мольбам, а иногда и оставался к ним глух.

В целом, стоило отдать Марвулю должное. Он не боялся говорить о вещах, которых Велмара не помнила, не называл её Бесой или Бескрылой, хотя и мог бы перенять эту привычку от Бенне, и прислушивался к тому, о чём она его просила. Бенне смотрел на него косо первые дни, однако позже, по-видимому, этот ревнивый дурак пришёл к выводу, что к южанину Велмара ничуть не более благосклонна, чем к нему самому.

Находиться в одной повозке с Бенне Бескрылой тоже было тошно. Раньше она хотя бы могла отстраниться от него, забыть о Бенне, как о предмете мебели, но теперь его существование висело над ней грозной тучей, а редкий взгляд дракона был также плох, как и его же упорные попытки в её сторону не смотреть. Бенне обращался к ней только по крайней необходимости, и то – не поднимая глаз от носков своих сапог. Он был уже больше безобидным, чем жалким, и Беса винила себя в том, что так сурово с ним обошлась... Но и то не слишком. Ей бы больше хотелось, чтобы ничего этого не было, и тем более, чтобы не было рядом Марвуля, который ей казался той ещё подколодной змеей и сплетником, к тому же умным и осторожным, что придавало его слову остроту и меткость втройне. Если он что-то скажет не так, то весь Драконий Горб узнает и досочиняет такую историю, что от этих слухов ей ввек не отделаться. Её недовольство и смущение Бенне со временем пройдут, а вот болтовню длинных языков никакими силами не унять.

По возвращению домой первым делом она решила зайти к Замре, чтобы согласовать с ним свою отныне полную самостоятельность. К готовящемуся сражению она была готова, люди её уже никак не трогали в любых количествах, так что опека бескрылого западника становилась ненужной. Задержавшись только затем, чтобы зайти в свою келью и занести кое-какие купленные в городе вещи, она отправилась вниз, к горячему источнику. По пути за ней, конечно, увязался вездесущий Марвуль. Деятельный он был до противоположного – за то время, пока она дотащила от повозки до своей пещеры и обратно к главному туннелю, этот прохвост успел засвидетельствовать своё почтение троюродному прадедушке Калауле и его жене, захватил целую кружку какого-то пряного вина у своих приятелей из разведчиков, и теперь шёл поздороваться ещё и с Замрой и выпросить у него временное жилище, поскольку провести остаток зимы южанин решил здесь.

Слегка навеселе, он стал не болтливее, как это обычно бывает со здешними, а будто просветленнее. Он шёл рядом с Велмарой почти молча и сиял, сытый, согретый, по его же признанию – без единой здоровой мысли в голове.

Молчание было для Велмары тягостным, но о чём бы поговорить с чужаком, что сказать ему, чтобы не звучало плоско и банально, она не знала и не хотела знать.

Замра был одной из главных тайн Драконьего Горба, будоражившей даже Велмару. Он был восточником, тяготеющим к буку, и в силу его древности сам по себе представлял больше подобие живого леса, нежели дракона. Вместо голоса у него был скрип, в котором непривыкший едва бы смог разобрать слова; он почти никогда не покидал свой тёплый угол, да уже,

верно, и не мог, так как врос корнями между скал. Он жил здесь дольше, чем западники, и было абсолютно не ясно, почему он избрал себе домом именно это место. Бук в заснеженных горах, под землей, вдали от солнца... В самом деле, совсем без света он не остался: ещё много лет назад какой-то его почитатель пробил в скале несколько длинных узких туннелей, через которые пролезла бы в лучшем случае кошка. Так сюда пробивался свет и уходил пар от горячего источника, однако это обстоятельство ничего не объясняло.

Уважение к Замре было одним из неписаных законов, который не следовало преступать. Бенне однажды пространно рассуждал о значении этого старика в истории Драконьего Горба, но для Велмары всё равно оставалось загадкой, как может трухлявый пенёк, торчащий глубоко в скале, понимать в жизни больше, чем её активные участники (а едва ли среди драконов можно было найти более активных творцов истории, чем западники). Оставалось пожимать плечами и мириться... И иногда ходить к нему на поклон, чтобы убедиться, что это бревно одобряет её собственные планы на её же будущее.

– Самра! – по-южному скруглив «з», поприветствовал старика Марвуть. Бук пошевелился, поднял широкую задеревеневшую, всю в побеггах, морду; из похожих на дупла четырех глазниц сверкнули желтые совиные глаза. Насколько можно было судить по деревянной морде Замры, он был рад видеть гостя. Почему-то Велмару кольнула зависть: ей восточник не был рад никогда.

– Я останусь у вас на зиму, Замра, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс Марвуть. – В городе сейчас беспокойно, у моря... сам понимаешь, шторма, холод, тоска, – Замра как-то странно усмехнулся на эти слова: едва ли от его внимания ускользнуло, что южанин уже принял свою дозу веселья. – Так что? Ты не возражаешь?

– Живи у Пената, – скрипнул бук, чуть шевельнув губами.

– Неужели наш старый добрый ворюга своё отжил? – вскинул брови южанин в деланном удивлении. Да, он был тем ещё театралом.

– Утонул, – хмыкнула Велмара, готовая отразить напор вопросов о подробностях.

– Мда, мда, – покачав головой, южанин тем и ограничился. – Что ж! Наше дело – сторуна. Ещё встретимся, Вёлмара, доброго здоровьяца, Самра, – и, чокнувшись своей кружкой с воображаемыми кружками Замры и Велмары, он неспешно отправился восвояси.

На этот раз Велмара не могла не оценить его такт: он ничего не сказал о Бенне и позволил ей решить этот вопрос наедине с Замрой... Но по привычке она всё ждала подвоха.

– Я знаю, Бескрылая, – вздохнул бук прежде, чем она успела собраться с мыслями.

В мгновение ока Велмара вспыхнула: так вот чего Марвуть так быстро ретировался! Всем разболтал и рад, ушёл, чтоб не попасться под горячую руку! Видит, что у неё нет права задать ему трёпку прилюдно, и намеренно теперь не останется с ней наедине; хитрец, подлец...

– Бенне заходил, – медленно произнёс Замра. – Сказал, что ты готова идти на битву сама.

Из огня да в полымя: одно имя горе-влюблённого заставило Велмару оробеть и смутиться своих скорых выводов. Хорошо, что Бенне зашел сам. Теперь не возникнет никаких вопросов, а она сама зашла только удостовериться, что наставник дошёл до Замры. Ничего предосудительного, никакой пищи для разговоров.

Она обсудила с Замрой еще кое-какие формальности и удалилась прочь.

Праздник был проведен так, что Велмара не помнила от него почти ничего, кроме собственного пьяного смеха. Остаток зимы перед глазами постоянно маячил Марвуть, каким-то образом находившийся во всех бродяжничавших по Горбу шайках одновременно. Он был заметным – ярко-желтые волосы, живые зелёные глаза, голос не громкий и визгливый, как у большинства рассказчиков, без глупого гогота над своими же шутками, – он говорил с некоторым самоуважением, и, в отличие от Калаулы, терпеть не мог, когда его не слушали. Кого угодно он мог отсчитать, как провинившуюся собаку, ничуть не беспокоясь, что о нём подумают другие, при этом без намёка на рукоприкладство, к которому вечно так тянуло запад-

ников, будто и не умевших выразить своё недовольство словами. Такого разумного и всегда правого Марвуля и бить не хотелось, и из обычных компаний западников он выделялся ещё и целым лицом, без шрамов, синяков, царапин. Велмара его интересовала не больше, чем все остальные. Он мог поздороваться, рассказать или спросить какую-нибудь чепуху, и при этом инцидент, произошедший на равнине, оставался только между ними. Велмара гадала, помнит ли он это вовсе, придает ли тому такое же значение, как и она сама, поскольку напрямую заводить разговор об этом ей не хотелось, а сам южанин не подавал никаких признаков того или иного отношения к произошедшему. Впервые со дня своего возвращения к нормальной жизни Бескрылая ощущала, что ей хочется выделить Марвуля как своего друга. При этом то, что он её, вроде бы, и не обижал вниманием, и в то же время не проявлял особого расположения, Велмару никак не задевало.

Жизнь начинала налаживаться.

Глава 5

Когда ночь стала намного короче дня, а снег начал сходить со склонов, наступило время первого военного похода в этом году.

Как правило, драконы почти не тревожили земли равнины у гор Валип: эти люди были для западников источником многих благ, таких как пища, одежда, оружие, потому драконы привыкли держать своё существование в тайне от этих людей. Здесь, под крылом Драконьего Горба, расцветала цивилизация, и западники не стеснялись защищать эти земли и от своих сородичей, настроенных враждебно (перепалки за эти плодородные края не были редкостью), и от других людей, а иногда – и от самих жителей равнины. Некогда разрозненные племена, они создали теперь единое государство, и драконы с гордостью наблюдали за своими питомцами, однако порой люди по своей первобытной свирепости ещё устраивали резню, государство крошилось, и стереть границы между племенами до конца пока не удавалось. Драконы вмешивались в их дела незначай (этими махинациями занимались разведчики) и совсем не планировали оставлять в истории глубокого следа, так что западников местные жители воспринимали более как людей с гор, чем сторонних существ. Итак, равнины у Валип были неприкосновенным краем.

Именно поэтому к походам нужно было готовиться так долго: один только путь занимал семь-восемь дней, а иногда и больше. Как правило, единственными целями похода были грабеж и устрашение. Иногда к западникам обращались другие драконы, обычно одиночки, плетущие собственные политические интриги в отдельных странах или также беспокоящиеся о судьбе своих людей. Обычно такие одиночки действовали только в личных интересах и дорого платили за помощь из Валип, так что таких умников находилось очень мало.

Стоит отметить, что, если бы не получаемые от людей выгоды, западники и не подумали бы заботиться о них. На отдельных людей они обычно плевали с высокой колокольни. О разуме и душе людей, об их чувствах хлопотали больше южане, и в последние годы, благодаря крепкой дружбе с некоторыми из них, и горожане Горба начинали задумываться о людях. Впрочем, стоит только исчезнуть из их жизни деятельному Марвулю, заботящейся о рабах воспитаннице южан Иуме, Калауле, взывающим к совести одним взглядом, – и все гуманистические убеждения западников растворятся в мгновение ока.

Особенно сильно было это заметно в самом походе. Как правило, южане не участвовали в них вообще, если забыть о нетипичной кровожадной Голдуре. Изредка привязывался любопытный Марвуль, сворачивавший в другую сторону уже через два-три дня пути и скрывавшийся в неизвестном направлении. Так было и в этот раз; его никто не держал, только одна Велмара осталась несколько разочарована, поскольку быть пассажиром на мягкой шерстяной спине южанина – совсем иное дело, чем кататься на чешуе западников, твердой, как железо.

Марвуль выделялся среди других и своим драконьим обликом. Если к Калауле и Голдуре Велмара успела привыкнуть, да и они были невзрачны даже по меркам южан, то Марвуль цвёл гладиолусом среди ромашек. Его короткая мягкая шерсть была ярко-желтой с редкими полосками яркого коричневого, почти рыжего цвета, оперённые крылья – светло-золотые с галочками бурого узора. На голове он носил не скромно закрученные за овечьи ушки рога – это были длинные прямые светлые два рога, придававшие ему сходство с антилопой или горным козлом. Рога подчёркивались горизонталями длинных темно-бурых острых ушей. Племянник был мельче своего дядьки, но из-за подвижности Марвуля создавалось впечатление, что он занимает всё доступное пространство. При этом пустозвоном Марвуль не был, то, что он говорил, оставалось в памяти, а некоторые вещи не давали спокойно спать ночами. Марвуль знал и видел мир, который Велмаре осточертел, и говорил обо всём ужасно интересно, пусть бы вопрос был совершенной дрянью. Некоторые шли за ним, как овцы за пастухом, но Бескрылую этот пастух

по-прежнему пугал чем-то неуловимым: может, своей властью над драконами, может, слишком уж чудесной оболочкой. Непорочных не бывает, и солнечность Марвуля у привыкшего к потёмкам существа вызывала подозрения.

Как правило, по пути к месту драконы поднимались очень высоко в небо, над облаками, чтобы их нельзя было заметить с земли. Поэтому любоваться видами было почти невозможно: небо и облака были скучными, когда смотришь на них с чужой спины, надеясь только на то, что не сорвешься по нелепой случайности. Привалов было по два в день, на обед и на ночь, и если ночью уже не было сил что-либо рассматривать, да и было невероятно темно, то в дневной привал Велмара сполна наслаждалась прелестями природы, которые ей нахваливал впечатлительный Марвуль. Вернее сказать, сама по себе она ненавидела эти полевые условия, и если бы не её оптимистичный попутчик, дорога была бы совсем невыносимой. Для Бесы всё было неудобно. Она привыкла есть за столом, теперь же приходилось сидеть на земле или на бревне, если кто-то о нем побеспокоится, драть зубами оленя – жареного или сырого, а может, и не оленя, а краденую корову, а может, мелкую костлявую птичку или рыбку. За время путешествия с Марвулем рыбой Велмара пресытилась: южанин любил ее сверх всякой меры, не ленился даже ночью разыскать какой-нибудь водоём и вытаскивать оттуда или огромную рыбину (сома, карпа, кого-нибудь ещё – в них Бескрылая мало разбиралась), или видимо-невидимо мелкоты, которую он собирал в большую миску и варил из неё уху. Сырой рыбой он обычно не удовлетворялся, хотя в первый день пути южанин так устал, что проглотил улов почти целиком, не раздумывая; в другое же время он всегда что-нибудь выдумывал с рыбой, и не только ел сам, но и охотно делился с другими – с Велмарой, которая не любила что-либо делать сама, в частности. Его стряпней та была довольна, но к третьему дню рыба уже в горло не лезла, а Марвуль, наивно полагая, что западка разделила с ним его увлечение, уже первоначально стал готовить и для неё, так что отказываться было бы всё равно, что грубо отвергнуть бесценный подарок.

Южанин раз за разом проявлял заботу о других с легкой руки, будто бы совсем не ожидая какой-либо взаимности. Велмаре это было чуждо и непонятно, что-то подсказывало, что на самом-то деле однажды наступит час расплаты! ...Но время шло, расплата не наступала, и она всё чаще беззастенчиво пользовалась его бесхитростью и бескорытием.

Утром четвёртого дня Марвуль попрощался со всеми многочисленными приятелями и приятельницами и улетел прежде всех уже по собственным делам.

Цель похода у западников в этот раз была та же, какая и всегда. Где-то в юго-восточной части континента вырос человеческий город, поднявшийся до невиданных высот культуры благодаря попечительству одного из восточников; однако восточника оскорбили, и он покинул эти места. Теперь город оставался на растерзание стервятникам, и если напор людей горожане были способны вынести, то о драконах нечего было и говорить.

Обычно, если стояла задача окончательно разорить город, то начинали с сожжения полей и убийства скота. Если сделать всё сколько-нибудь аккуратно, люди сами себе это объясняли: как гнев богов, небесную кару, редкий жуткий мор, знамение о приходе конца времен и тому подобную чепуху. Здесь, на востоке, о драконах знали и боялись их, так что скрытничать не имело смысла. К тому же, устраивать полное сокрушение этого города, столицы небольшого княжества, было глупо: располагалась эта страна далеко, не мешала жителям равнины у Валип, грандиозных планов на завоевание всего света пока не строила, и драконы собирались только взять своё и уйти. Потому планировался только вечерний штурм, а целый день был на подготовку и отдых.

Лагерь был разбит в большом овраге в редком молодом лесу. Город был в получасе полета в степи, среди засеянных полей; лес окружал этот вырубленный участок с северо-запада, тогда как с других сторон простирались утыканные маленькими крестьянскими хозяйствами пашни, и более удобного места для укрытия было не найти.

Среди драконов царило радостное возбуждение, о страхе не было и речи. Здесь никто не боялся: город был слабый, одинокий, совсем не то же, что Империя, властвовавшая в центральной части материка и пережёвывавшая одно за другим северные княжества, пробивая себе путь к морю. Её ярость и напор позволили ей когда-то уничтожить подчистую чудесное Меву, северную страну драконов, которая теперь жила только в сказках. До сих пор в имперском плену мучаются и умирают тысячи отважных западников, восточников, южан, ни на день, ни на час не дают имперцы покоя некогда самым могущественным созданиям, когда-либо ходившим по земле... И другим людям тоже.

Но здесь и сейчас их враг – не Империя. И больше никто не сумеет возвыситься так, как она. И, может, когда настанет упадок в её краях, Драконий Горб и многие другие не упустят свой лакомый кусочек.

Велмара, маясь от нерешительности, лежала в тени, ещё не готовая встать и начать сборы. Кто-то из западников предпочитал сражаться с людьми в человеческом облике, но большинство любило почувствовать настоящую власть над ситуацией, превосходство над этими муравьями у лап живущих сотни лет созданий. Беса плохо владела и луком, и мечом, а вот когтями и клыками – с завидным мастерством, так что её выбор был очевиден. Ей нужно было только немного брони на бока, раньше защищенные мощными крыльями, и на морду, так, чтобы обезопасить глаза. Но и то встать и надеть пока было лень. Солнце припекало, и она бы не отказалась окунуть морду и лапы в холодную воду, но оставалось довольствоваться только стремительно уменьшающейся тенью.

Иля, одна из тех, кто любил размахивать саблём, читала свои громогласные поэмы, взгромоздившись на пень. Сейчас её мало кто слушал, но она была свято уверена, что поднимает боевой дух товарищей, на что Велмара только усмехалась. Рира шипела на тех, кто мешал ей облачаться в броню и готовиться морально, попутно высказывая благодарным почитателям, какие грандиозные подвиги она в будущем совершит. Кто-то из разведчиков, полный малый, привязавшийся к воинам невесть зачем, чиркал пером по пергаменту. Бенне скучал, повесив уши, уже готовый ко всему, втиснутый в свои латы, но обделенный чьим-либо вниманием, так что прожужжать уши было некому. Стоит заметить, что среди путников оказалась и Голдура, которая почти сбежала от Калаулы. В битву её Замра не благословил, да и округлившись с одного бока живот не давал ей особой свободы действий, так что Голдура только носилась по лагерю, помогая то там, то здесь, и словом и делом завидуя воинам.

Когда солнце стало клониться к закату, Велмару всё же растолкали, и суетливая Голдура облачила её в доспехи. Тяжёлый панцирь был драконессе ненавистен: она давно привыкла к родным толстым крупным чешуям, тянувшимся вдоль хребта и давившим ей на спину своей массой, но латы висели на ней мертвым грузом. Кто сказал, что доспехи могут быть удобными? Может быть, для тонкокожих людей – да, но едва ли для дракона, от природы наделенного особой защитой. И пусть даже доспехи для горожан Драконьего Горба ковали их рабы, для каждого дракона индивидуально, второй кожей железки от этого не становились.

Солнце коснулось леса краем, и был дан сигнал отправляться в путь; в числе некоторых других отчаянных пешеходов Велмара пробиралась через поля, в то время как большинство взметнулось в небо. В сопровождение бескрылым был дан Мелеонор, наложивший на группу какой-то морок, чтобы не дать людям увидеть воинов, вторгшихся в их земли, раньше времени. Велмара шла, приминая колосья, так заботливо взращенные чьими-то грубыми красными руками, мимо сторожек в господских садах, где сидели обычные крестьяне, вооруженные чем-нибудь нехитрым – вилами, граблями, метлой, – чтобы гонять воров, отпугивать ворон от посевов... Люди были рядом, тут всё ими дышало, и это были совсем не те же скромные труженики-рабы Горба, не деловые жители равнины, прагматичные, отвыкшие от запахов полей. У здешних людей была своя гордость, своя вера, а ещё доля степенности – ведь яблоня не убежит от садовода.

Но что ни видела здесь Бескрылая, её ничто не могло заразить этим спокойствием. Чем больше она смотрела на полноватых крестьян, плетущихся с пашни домой, тем сильнее разгоралось раздражение от их медлительности, неповоротливости... Ей так и виделось, как проходит каждый день их жизни, каждый месяц, каждый год: ничего не меняется, ничего их не трогает, живут они коротко, и то отмерянное им время тратят впустую. Один умрёт, на его место встанет другой, а то и трое других; они как животные, но претендуют на то, что стали в чём-то выше обычного неразумного зверя.

Город не был обнесен даже каменной стеной, только невысокой деревянной, и для тех, кто штурмовал с земли, она не могла стать серьезным препятствием. Однако первыми всё же наносили удар крылатые, сразу врывающиеся в центр города и уничтожавшие его изнутри, как чума в осаду. Появление драконов с неба можно было отсчитать мгновение за мгновением, стоило только пронаблюдать за крестьянами в полях. Сначала люди остолбенели, глядя в небо, раскрывши рты. Первыми очнулись женщины. Одни бросились домой, сломя голову; иные понеслись к привязанным под каким-нибудь деревцем детям; другие хватали под уздцы мулов, выпрягали их и тащили в загоны и во дворы, к ним присоединялись мужчины, самые храбрые хватались за оружие. На маленький тихий мирок крестьян будто налетела гроза, и неподвижность сменилась будоражащей активностью. Теперь люди маячили перед драконами, как будто дичь, бегущая прямо из их лап, и единственный, кто мог контролировать морок и не бояться нарушить завесу – Мелеонор – не удержался и до полусмерти напугал одного из селян, высунув из морока многоглазую восточную морду человечку под самый нос. Творившееся вокруг безумие подстегивало, и вот тряская иноходь сменяется рысью, затем уже галопом драконы мчатся к хлипким городским стенам – только бы не пропустить главное веселье!

За долгие дни тренировок Велмара привыкла к долгому бегу, но как же неудобно было ей выкидывать вперёд длинные лапы вместо того, чтобы плавно взмахивать крыльями! Рядом с ней неслись почти сросшиеся с землей сородичи, полностью забывшиеся в галопе; ей же приходилось прилагать массу усилий, чтобы не сбиться с темпа и не начать задыхаться, не потерять равновесие, не отвлечься от прямого пути к городу. Трудности только больше выводили её из себя, и она с нетерпением ждала момента, когда можно будет, достигнув цели, больше не думать о верности шага.

Город уже горел и полнился криком. Горланили трубы, предупреждавшие об опасности, но нуждался ли уже хоть кто-нибудь в этом предупреждении? Люди рвались к воротам, а там их встречали наземные чудовища; люди прятались под крышами домов – а крыши рушились им на головы. По драконьим доспехам стучали тонкие стрелы и отскакивали, ломались; не было силы, которую люди смогли бы противопоставить даже одному-единственному дракону. Бескрылая мяла их хижину лапами, втаптывала людишек в землю, на зубах хрустели их кости; те из сородичей, кто посмекалистее, не только вкушали бойню, но и грабили ещё целые дома. Велмару богатство не интересовало.

Ей снова хотелось ощутить себя выше людей.

Годы потёмков: она вздрагивала, увидев плеть в руках человека, она плакала, как дитя, заслышав тот самый чеканный шаг её палача. Она была ничтожеством без разума и капли иного чувства, кроме страха. Ненависть выпили из неё всю вместе с кровью и гордостью. Где они теперь, эти люди?! Она колет их черепа, как орешки, ровняет с землей то, что они создавали поколениями. Велмара восстала из пепла, потому что она сильнее их; они – не восстанут, и она не оставит никого, кто сумел бы сложить в могилу их тела. Она...

Что-то мерзкое окатило её с головы до ног, просочилось меж пластин доспеха. Драконесса вздрогнула и вскинула рогатую голову, готовая отомстить обидчику, но раньше, чем она разглядела его на уцелевшем куске городской стены, брошенный факел превратил её в живое пламя.

Боль дошла не сразу, но это была не волна, а настоящее цунами, захлестнувшее её с головой. Только что гордая, кровожадно довольная своей силой, она опять обрушилась на землю в беспмятстве, с одним только животным воплем о помощи. Нагревались металлические пластины и вгрызались в кожу, она же срывала их когтями, не жалея и собственных боков. Казалось, что плавится чешуя и огонь – ещё чуть-чуть! – и доберется до ребер и органов, и ни конца, ни края этому страданию нет.

Тело пылало. Сознание резко погасло.

Глава 6

Несколько раз сознание почти возвращалось к Велмаре, но, ощутив боль от одного только движения век, она снова проваливалась в сон. Лишь когда ей достало сил открыть глаза и пошевелиться, Беса осознала, что ещё жива; в глазах темнело, стоило где-то натянуться или сложиться складками коже, но методом проб и ошибок она сумела выяснить, что шея и голова целы, чего не сказать о лапах, боках, спине... Нет, нет, неужели, лишенная крыльев, она теперь должна остаться и без лап?..

Вокруг было какое-то укрытие, словно бы из огромных листьев, через которые проходил, становясь ярко-зеленым, солнечный свет. Здесь Велмара была одна, однако, когда она подняла голову, чтобы немного осмотреться, на горизонте возник Мелеонор, громко ойкнул и мелкими шажками приблизился к ней, начал обнюхивать и осматривать тремя парами глаз на одной морде, словно бы и сам не был уверен, все ли лапы у неё на месте.

– Велмара! Как славно! – мурлыкал восточник с искренней радостью в голосе. – Мы уж не ждали, что ты очнешься. Нужно же было тебе так!

– Я встану? – с трудом ворочая языком, спросила Бескрылая о единственном, что её сейчас беспокоило. Маг закусил губу, на мгновение засомневавшийся.

– Встанешь, но нужно время.

«Которого у нас нет?» – добавила про себя драконесса, оказавшаяся уже не способной озвучить вопрос.

– Мы ещё у города, мне пришлось подрастратить силы и наводить морок вокруг тебя, лишь бы выжившие не смогли найти тебя, когда пойдут мстить. Большинство наших вполне живы, здоровы и уже отправились дальше на север, чтобы зализать царапинки, – уже угомонившийся и севший рядом по-собачьи восточник ещё раз окинул Велмару взглядом и скорчил недовольную рожу. – Ты пропустила трое суток. Но я боялся, что может быть и больше. Ты сильная, действительно сильная...

«Какой там», – хмыкнула Беса про себя.

– ...Ты должна быть благодарна Бенне. Он каким-то чудом выволок тебя из горящего города и отдал мне в лапы, уж не знаю, как ему это удалось.

Велмара резко вздёрнула голову от земли и бешено вытаращила глаза на Мелеонора; она рванулась было и встать, но тут же захныкала и снова уронила голову.

– Я не должна никому, – рыкнула она сквозь зубы. Нет, нет, хватит с неё опекунства Бенне, довольно! Пусть найдет себе кого-нибудь ещё... Если ему кажется, что он сможет приковать её к себе таким страшным долгом, как обязанность жизнью, то пусть идёт к чёрту. Даже если бы он был последним драконом на свете, Велмара не стала бы отдавать ему этот долг.

Тремя днями позже, проведенными в полусне и глотании каких-то мудреных лекарств из лап Мелеонора, Велмара оправилась достаточно, чтобы перекинуться в человеческое обличье. Ещё несколько дней они потратили на то, чтобы разыскать новый лагерь на севере. Их встретили с должными почестями: Бескрылую пытались накормить и напоить, но стоять на ногах дольше часа она не была способна, так что из-за волны обсуждений битвы, которую всколыхнуло её появление, здоровые не успели осуществить задуманное. Через рассказы сородичей выяснилось, что ещё одной жертвой текучего огня стала Рира, но для Плоскозубки всё кончилось печальнее. Её похоронили там же, у убежища в мореке Мелеонора, и со злым торжеством Велмара обнаружила, что мало кто говорил о смерти Рире с настоящим сочувствием и скорбью, а не только из сплетничьего интереса.

В остальном же было больше бахвальства ранами, чем самих этих ран. Одного ранили в плечо – задела стрелой, другому чиркнули мечом промеж глаз; больше всего крови перепало на душу грабителей, среди которых была Иля. Кроме полезных вещей, вроде денег и драгоцен-

ностей, чудачка прибрала к рукам гору всякого барахла: от красиво вышитого шейного платка до книг, написанных на местном языке. Достоверно было известно, что Иля – полиглот, говорящий по меньшей мере на трёх человеческих языках; к чему ей были эти познания, если она не разведчик, никто вразумительно объяснить не мог. Иля раскладывала свою добычу на расчищенной лужайке и рассказывала о каждой вещи любому желающему. Конечно, не без своих поэтических шуточек. Наблюдая за ней с мутящимся и плывущим сознанием, Велмара вспомнила, как кто-то говорил, что Иля очень неплохо ладит с одним из библиотекарей, даже *слишком* неплохо. Вот только молва, опять же, не уточняла, о ком речь, ведь один библиотекарь был глубоким стариком, почти не видевшим солнца, а другой – сироткой не старше девяти лет, которого издевательски-ласково называли Фелушей.

Словом, Иля была со странностями, и Велмара много, много раз пожалела, что, нашла место для отдыха прямо напротив неё.

Глава 7

Всю длинную валипскую весну Велмара провела, безвылазно сидя в своей пещере. Только к первым дням лета она ощутила в себе достаточно сил, чтобы иногда принимать участие в вечных пирушках Горба; это стало для неё настоящим спасением, ведь дома она только и могла, что мучиться одиночеством и болью. Марвиль исчез без следа, Мелеонор проводил время, как всякий воин, хоть его и относили к лекарям, и с больной возился мало. Иума, заботившаяся о Бескрылой, была скучной, книги, которые лекарь просила приносить Фела, были ещё скучнее. Иногда к Велмаре заходили её приятели, но на оживлённые разговоры с ними Велмаре не хватало сил, так что эти посещения сначала жестко ограничивались Иумой, а после уже самими воинами, обнаружившими, что ловить у Велмары нечего.

Так что, когда спать она не хотела, а боль мучила не до темноты в глазах, Велмара пыталась читать. Фел не знал, что ей может понравиться, и приносил всё сразу. Это были и летописи, главный труд библиотекарей, и легенды, и поэзия, похожая на сочинения Или – такая же занудная, – и переводы человеческих книжек, и магия материи, и тома достоверных и точных знаний, написанные лапами южан... Вся эта кипа стояла у её постели (болеть было несравненно удобнее в человеческом обличье, если дело не касалось смертельно опасных ранений или болезней – тогда требовалась вся полнота сил организма), и Велмара брала из стопки по одной книге, открывала, читала первые семь-восемь страниц, и, как правило, приходила к выводу, что это ужасная, невыносимая тоска. Тогда драконесса отшвыривала книгу на другую сторону постели, оставляя ее валяться, как попало, и падала лицом на подушку, поскольку и эти десять страниц, и это маленькое разочарование исчерпывали все её силы. Фел долго не прекращал попыток заинтересовать Бесу чем-нибудь, и, в конце концов, оказалось, что ближе всего уставшему сердцу Бескрылой были человеческие песни и легенды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.